

ТОМАС ЭНСТИ

МЕДНЫЙ

КУВШИН

Томас Энсти

Медный кувшин

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35256041

Медный кувшин: Остеон-Пресс; 2018

ISBN 978-5-00064-682-3

Аннотация

Вы наверное уже слышали эту историю. Все мы ее читали в детстве. Один советский школьник и примерный пионер нашел в реке кувшин, откупорил его, потер и вдруг оттуда выбрался смешной старичок с бородой и заявил, что он джинн... Или нет, не так. Один лондонский денди, человек с прислугой и без особых жизненных проблем стал обладателем старинного медного кувшина. Он откупорил его, потёр и... наружу выбрался колоссальной силы и мощи джинн, которого практически ничто не в силах было удержать от того, чтобы перетряхнуть весь мир вверх дном и наслать на всё человечество миллионы бед, болезней, страданий... Что бы вы сделали на месте бедного денди? Как бы вы спасли наш с вами грешный мир? Но... настоящий лондонский денди, он на то и денди, чтобы ежедневно и ежечасно после утреннего кофе и хорошей сигары спасать по миру, а то и по два... Мы предлагаем читателю великолепную, искрометную, с юмором написанную сказочную повесть, которую сейчас причислили бы к жанру фантастики. Но... сказка на то и

сказка, чтобы в ней творились чудеса, к какому бы жанру ее не причисляли.

Содержание

Коротко об авторе	6
1. Горацию дается поручение	8
2. Дешевая покупка	21
3. Сюрприз при открывании	29
4. На свободе	47
5. Carte Blanche	53
6. Ненужные богатства	73
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Томас Энсти

Медный кувшин

© ООО «Остеон-Групп», 2018 г.

* * *

Коротко об авторе

Ф. Энсти (Томас Энсти Гатри) (1855-1934)

Ф. Энсти – Псевдоним Томаса Энсти Гатри (Thomas Anstey Guthrie). Английский романист, родившийся в Кенсингтоне (Лондон), восьмого августа 1856-го г. Образование Гатри получил в Королевском колледже, а затем в Кембридже, после окончания коего занялся юриспруденцией. Его первую книгу опубликовали в 1882 г. Это была веселая исто-

рия об отце и сыне, поменявшихся местами – «Шиворот-навыворот, или Урок для отцов». Эта книга, а затем и многие другие («Черный пудель», «Сокращенная Венера», «Медный кувшин» и т. д.) принесли Томасу Гатри славу одного из лучших английских юмористов. Его пародии и шутки по достоинству оценили в журнале «Панч», к работе в котором приступил Гатри, оставив юридическую практику. А в 1901 г. один из его удачных фарсов, основанный на истории, которая была напечатана в «Панче», поставили на сцене в Королевском Театре Уэльса.

1. Горацию дается поручение

– Сегодня – как раз шесть недель! Да, шесть недель тому назад! – сказал вполголоса Гораций Вентимор и вытащил часы. – Половина двенадцатого... Что же я делал тогда в половине двенадцатого?

Сидя у окошка в своей конторе, на Большой Монастырской улице в Вестминстере, он перенесся мыслью к тому яркому августовскому утру, которое теперь казалось таким далеким и невозвратимым. Именно в этот час он ждал на балконе гостиницы – единственной гостинице в Сен-Люке, крошечном приморском местечке в Нормандии, куда его занес счастливый случай, во время одинокой поездки на велосипеде, – ждал ее появления.

Он как сейчас видел всю обстановку: миниатюрный заливчик, на зеленую воду которого сонно ложилась фиолетовая тень утеса; движение волн, лениво плескавшихся у мостиков, с которых он сам кидался в воду полчаса назад; он вспомнил, как далеко плавал к бакену; вспомнил, с каким радостным предчувствием одевался и лез по крутой тропинке к террасе гостиницы.

Ибо разве ему не предстояло провести весь остаток этого блаженного дня в обществе Сильвии Фютвой? Разве не собирались они вместе на велосипедах (правда, с ними ехали и другие, но те не считались) в Виолет, чтобы закусить там

над утесом и нестись обратно, все время вместе, среди душистого сумрака по береговым склонам, между тополями, или вдоль ржаных полей, отливающих золотом под ярко-пурпуровым небом?

Он видел себя обходящим мощеный двор перед гостиницей и вспомнил, как его охватил внезапный страх прозевать ее. Перед ним была только низенькая тележка с холстинным верхом, предназначенная для доставки профессора Фютвоя с женой на сборный пункт.

Вот, наконец, появилась и Сильвия, умопомрачительно прекрасная и свежая в своей легкой розовой блузке и юбке цвета крем. Как грациозна, приветлива и вообще очаровательна была она весь этот незабвенный день, наилучший в ряду других дней, несколько менее прекрасных и теперь миновавших навек!

Правда, не все в них было совершенством. Старый Фютвой порою слегка надоедал своими бесконечными диссертациями о египетском искусстве и о старинных восточных письменах, будучи уверен, что Гораций горячо интересуется ими, хотя последний только политично притворялся. Профессор был ученым из археологов и положительно лопался от сведений по своим любимым предметам, но весьма возможно, что Гораций проявлял бы меньше любознательности касательно разницы между клинообразными или арамейскими и арабскими надписями, если бы его собеседник был отцом другой девицы. Впрочем, подобная неискрен-

ность является доказательством искренней любви.

Так, мучая сам себя, Гораций рисовал себе картины этих каникул, проведенных в Нормандии: деревянные избушки с линюче-синими ставнями и черепичными крышами, поросшими тростником; шпили деревенских церквей, сверкающие над бронзово-зелеными берегами; крутые склоны у моря; желтые и оранжевые утесы, имеющие мрачный вид рядом со вспаханými полями или лугами у их подошвы; пятнистый, белый с черным, скот, мирно пасущийся у моря, цвета ляпис-лазури и малахита, – и повсюду присутствие Сильвии, звук ее голоса в ушах! А теперь... Он поднял взор с бумаг и транспаранта на своей конторке, обвел глазами тесную комнату, в которой работал, взглянул на планы, фотографии, разные рамки на стенах и почувствовал глухое раздражение против этой обстановки. Из окна открывался веселый вид на высокую рассыпающуюся стену, прежде входившую в состав старинной ограды аббатства и увенчанную фризом, над ржавыми остриями которого протягивались желтеющие ветви нескольких платанов.

– Она непременно полюбила бы меня, – мелькнули у него отрывочные мысли. – Можно было поклясться в этом, особенно в тот последний день... И родители ее ничего не имели против. Мать довольно радушно просила меня зайти к ним по возвращении в город. Когда я пошел...

Когда он пошел, то вышло совсем иное, весьма обычное для знакомств, завязавшихся на континенте, на водах. Было

трудно определить, но невозможно не заметить некоторую формальность непринужденность со стороны г-жи Фютвой и даже со стороны Сильвии, которые как будто намекали на то, что не всякая дружба переживает переезд через Ламанш. Он ушел с болью в сердце, но с ясным сознанием, что теперь необходимо ждать первых шагов с их стороны. Пусть позовут его обедать или хоть пригласят бывать... По прошло более месяца и от них не было вестей. Нет, разумеется, все кончено! Он должен понять, что от него отвернулись.

– Во всяком случае, – говорил он себе с коротким и невеселым смехом, – это довольно естественно. Г-жа Фютвой, вероятно, справлялась о моих профессиональных перспективах. Да оно и лучше! Как могу я жениться, еще не достигнув самостоятельности? Сейчас я только содержу себя прилично. Я не имею права свататься к кому-либо, не говоря уже о Сильвии. Видайся я с нею, я уступил бы искушению. Это не невеста для такого нищего, как я, обреченного на несчастье. Однако ныть совершенно бесполезно. Взглянем лучше на последнее произведение Бивора.

Он развернул большой раскрашенный план, на уголке которого была подпись: «Вильям Бивор, архитектор», и начал разглядывать его не с особенной благосклонностью.

– Бивор лезет в гору, – решил он про себя. – Бог свидетель, я не завидую его успехам. Он – славный парень, хотя его архитектурные вымыслы ужасны. Но кто я такой, чтобы критиковать его? Он преуспевает, а я – нет! Между тем, будь

я на его месте, чего бы только я не сделал?

Тут необходимо заметить, что в этом не было обычного самообмана бездарности. Талант у Вентимора на самом деле был выше среднего; при лучших условиях его идеалы и честолюбивые стремления могли бы достигнуть признания и осуществления.

Но у него как-то по хватало энергии: сверх того он был слишком горд, чтобы выставляться напоказ, и до сих пор ему упорно не везло.

Поэтому в данный момент у него не было других занятий, кроме как помогать по мере надобности Бивору, пополам с которым он нанимал деловое помещение и конторщика; и ему невесело было чувствовать, что с каждым годом такой насильственной полупраздности он все более отстает от прочих в погоне за богатством и славою, так как ему уже минуло двадцать восемь лет.

Если девица Сильвия Фютвой когда-нибудь питала к нему действительное влечение, то понять это было нетрудно. Гораций Вентимор не был образцом мужской красоты, такие образцы часто встречаются только в романах, да и там не интересны, но его резко очерченное и чисто выбритое лицо дышало известным благородством, и если около рта слегка обозначились иронические черточки, зато серо-голубые глаза глядели замечательно открыто и приятно. Он был хорошо сложен и достаточно высок, чтобы никак не считаться приземистым; белокурый и бледный, но без оттенка болезнен-

ности, он производил впечатление человека, принимающего жизнь, как она есть, и с юмором встречающего те тучи, которые могли омрачить его горизонт.

Раздался стук в дверь, которая вела в кабинет Бивора, и влетел сам Бивор, красный, плотный человек с узенькими бачками.

– Слушайте, Вентимор, вы еще не сбежали с планами того дома, что строится у меня в Ларчмире? Потому что... Ах! Вот вы именно их просматриваете! Извиняюсь, что помещаю, но...

– Ничего, милейший, берите, пожалуйста, я уже просмотрел.

– Я сейчас еду в Ларчмир. Там надо принять материалы, а оттуда – в Фитльсдон. Это потребует времени, так что я пропаду на несколько дней. Харисона беру с собой. Ведь он вам здесь не понадобится?

Вентимор засмеялся.

– Ничего не поделаешь, я могу и без помощника. Вам он нужнее, чем мне. Вот ваши планы.

– Я и сам доволен ими, знаете, – сказал Бивор, – эта крыша ведь недурна? Хорошо, что мне пришлось на ум положить на нее этот орнамент вдоль гребня. Вы видите, я воспользовался одним из ваших окошек с ничтожным добавлением. Я уже склонялся последовать вашему совету и сделать оба фасада одинаковыми, но потом решил, что так будет оригинальнее: тут – красный кирпич, а там – плитки.

– О, да, – согласился Вентимор, зная, что возражения бесполезны.

– Не думайте, конечно, – продолжал Бивор, – что я особенно стою за оригинальность для обывательских домов. Среднему клиенту не более нужен оригинальный дом, чем оригинальная шляпа. Он требует только того, что более или менее общепринято. Я часто думал, старина, что, может быть, именно поэтому вы и не преуспели... Ведь вы не в претензии за откровенность?

– Ничуть, – весело ответил Вентимор, – откровенность есть цемент дружбы. Валяйте дальше!

– Я только хотел сказать, что вам не принесли пользы ваши оригинальные фантазии. Повези вам хоть завтра и получи вы заказ, я уверен, что вы бы напортили себе какой-нибудь особенной выдумкой.

– Такие соображения по меньшей мере преждевременны, так как на моем горизонте нет ни тени заказа.

– А мне повезло, едва я взялся за дело, – сказал Бивор. – Но главное в том, – продолжал он с оттенком самодовольства, – чтобы уметь воспользоваться случаем. Однако мне пора, а то пропущу поезд. Вы взгляните без меня на мою корреспонденцию и сообщите мне, о чем будет нужно. Ах, кстати, мне только что прислали смету Вудфордской школы. Посмотрите, пожалуйста, и скажите, верно ли. Да, еще новый флигель в Тускулум-Лодже... Вы можете вычертить его на досуге. Все найдете у меня в конторке. Спасибо, спасибо,

мой милый!

Бивор кинулся обратно к себе в комнату и начал торопить Харисона, своего конторщика. Затем кликнули извозчика, затопали по старой лестнице; отъезжавший экипаж затарахтел по неровной мостовой, а потом воцарились безмолвие и одиночество.

Было бы неестественно не ощутить некоторую зависть. Бивор имел в мире свое назначение: даже если оно состояло лишь в том, чтобы портить леса и парки нелепыми или претенциозными дачами, все же это был труд, дававший ему право на уважение в глазах всех здравомыслящих людей.

А в Горация никто не верил. Доселе плоды его творчества еще ни разу не воплощались в кирпич и камень. Нигде не стояло такого здания, благодаря которому могла бы сохраниться после его смерти память о нем самом и о его таланте.

Такие мысли не были приятны, и, чтобы от них избавиться, он пошел в кабинет Бивора за бумагами, о которых упоминал последний: надо было хоть заняться, пока не настанет время идти в клуб и завтракать. Не успел он усесться за дело, как на площадке зашаркали чьи-то ноги и раздался стук в дверь конторы. «Еще заказ для Бивора, – подумал он. – Вот уж везет этому парню! Надо пойти сказать, что он уехал по делу».

Но, войдя в соседнюю комнату, он услышал повторение того же стука и на этот раз – у собственной двери; поспешив вернуться, чтобы положить конец этой игре в прятки,

он увидел, что пришедший ищет именно его и что это – никто другой, как сам профессор Антон Фютвой.

Профессор стоял на пороге, щуря из-за очков свои близорукие глаза и, вытянув шею из широкого пальто, напоминал собой любопытствующую черепаху. Горацию его появление было приятнее, чем приход самого богатого заказчика, ибо как мог прийти к нему в гости отец Сильвии, если бы она сама не желала продолжать знакомство? Он даже мог явиться с каким-нибудь поручением или приглашением.

Итак, несмотря на то, что на объективный взгляд профессор ничем не мог вызвать дикого восторга, Гораций был непритворно рад его видеть.

– Вы слишком добры, что пришли навестить меня, – сказал он с жаром, усадив его в единственное кресло, предназначенное для гипотетических заказчиков.

– Нет,нисколько. Боюсь, что ваше посещение, когда вы были у нас в Коттесморе, вышло не совсем удачным.

– Неудачным? – повторил Гораций недоумевая, что будет дальше.

– Имею в виду тот факт, может быть и незамеченный вами, – пояснил профессор, почесывая с оттенком раздражительности свои жидкие поседевшие бакенбарды, – что меня самого в тот раз не оказалось дома.

– Да, это была большая неудача, – сказал Гораций, – хотя я знаю, как занято ваше время. Тем любезнее с вашей стороны найти минутку, чтобы зайти просто так поболтать.

– Я пришел не ради болтовни, г. Вентимор. Я никогда не болтаю. Я хотел видеть вас по делу, надеясь, что вы... Но замечаю, что вы заняты, может быть, слишком заняты, чтобы отрываться ради такой мелочи.

Было довольно ясно, что профессор собрался строиться и решил – неужели по совету Сильвии? – поручить это дело ему! Но молодой человек постарался умерить свой предательский пыл и ответил (не отступая от истины), что не делает ничего такого, чего не мог бы отложить, и что если профессор сообщит ему о своей надобности, то он будет рад услужить ему.

– Тем лучше, – сказал профессор. – И жена, и дочь говорили мне, что я намерен слишком злоупотребить вашей добротой, но я ответил им, что, если не ошибаюсь, дела господина Вентимора не так многочисленны, чтобы он не мог отвлечься от них на несколько часов...

Очевидно, дело не в постройках. Не понадобился ли он им, как провожатый? Но даже и на это он не смел бы надеяться несколько минут назад. Он поспешил повторить, что сегодня совершенно свободен.

– В таком случае, – сказал профессор, начиная рыться у себя в карманах, – не искал ли он записки, написанной рукою Сильвии? – в таком случае, вы окажете мне истинное одолжение, если пойдете на распродажу в Гаммондов аукционный зал, что в Ковент-Гардене, и поторгуетесь за меня.

Каково бы ни было разочарование Вентимора, надо воз-

дать ему честь, что он ничем его не выказал.

– Конечно, я с удовольствием пойду, если могу быть полезным.

– Я знал, что приду к вам не напрасно, – сказал профессор. – Я помню, с какой изумительной готовностью вы провожали мою жену и дочь по страшному зною в Сен-Люке, когда вы преспокойно могли бы сидеть со мной в отеле. Я и теперь не стал бы вас тревожить, только мне нужно позавтракать в Восточном Клубе, а затем назначен осмотр и составление отчета для музея о недавно открытой надписи, это отнимает у меня весь остаток дня, так что будет физически невозможно пойти к Гаммонду, а посылать наемных людей я не люблю. Где же у меня этот каталог?.. Ах, вот он! Мне его прислали душеприказчики моего старого приятеля, генерала Колингама, скончавшегося на днях. Я познакомился с ним в Накаде, на раскопках, несколько лет назад. Он тоже был коллекционером па свой лад, только понимал очень мало и его, разумеется, надували направо и налево. Большая часть из его вещей – просто хлам, но есть несколько предметов, которые стоило бы купить по разумной цене человеку, знающему толк.

– Но дорогой профессор, – возразил Гораций, вовсе не радуясь такой ответственности, – боюсь, как бы и мне не накопить хлама. Я не имею специальных познаний о восточных древностях.

– В Сен-Люке, – сказал профессор, – мне казалось, что

для любителя вы имеете исключительно точное знание и понимание египетского и арабского искусства, начиная с древнейшего периода (если так, то Гораций мог только со стыдом признать себя страшным хвастуном и обманщиком). Впрочем, я и не желаю вас обременять сверх меры: как вы увидите по каталогу, я отметил предметы, которыми особенно интересуюсь, и назначил предел цены, до которого готов дойти. Поэтому вам будет нетрудно.

– Очень хорошо, – сказал Гораций. – Отправляюсь прямо в Ковент-Гарден, а оттуда уж постараюсь сбежать позавтракать.

– Ну, пожалуй, если вы так любезны. Предметы, отмеченные мною, вероятно будут предлагаться почти подряд, но пусть это соображение не отвлекает вас от завтрака, и, если вы пропустите что-либо вследствие отлучки, – ну, что ж, это не беда, хотя, пожалуй, и придется пожалеть... Во всяком случае, не забудьте отметить, сколько стоит каждая вещь, и, может быть, вам не трудно будет черкнуть мне словечко при возвращении каталога... или постойте! Нельзя ли вам заглянуть ко мне нынче вечером и сообщить мне, чего вы достигли? Это будет лучше.

По мнению Горация, это, конечно, было лучше, и он решил зайти вечером, чтобы дать отчет о своем поручении. Оставался вопрос о деньгах на тот случай, если бы тот или другой предмет остался за ним; ему пришлось признаться, что в данный момент у него не наберется и десяти фунтов.

Тогда профессор вынул из бумажника ассигнацию на такую сумму и вручил ее ему с видом благодетеля, помогающего достойному бедняку.

– Не превышайте назначенных мною цен, – сказал он, – так как сейчас я не располагаю большими деньгами, и, пожалуйста, назовите у Гаммонда свою фамилию, а не мою. Если публика узнает, что я покупаю эти вещи, то набьет цену. Теперь же не буду задерживать вас, тем более, что время бежит. Я уверен, что вы постараетесь для меня как можно лучше. Итак, до вечера!

Несколько минут спустя Гораций ехал в Ковент-Гарден на лучшем извозчике, какого мог достать.

Профессор требовал от него несколько более, чем ему давало право их знакомство, и был слишком уверен в его согласии, но что из этого? Как-никак, ведь это был отец Сильвии.

«Даже с моей удачливостью, – думал он, – мне надо бы купить хоть одну или две из отмеченных вещей; сумеь бы только угодить ему и отсюда могут быть последствия!»

В таком радужном настроении Гораций вошел в общеизвестный аукционный зал Гаммонда.

2. Дешевая покупка

Несмотря на то, что был уже час завтрака, когда Вентимор прибыл в Гаммондов аукционный зал, но огромная стеклянная галерея, где происходила продажа обстановки и имущества покойного генерала Коллингама, оказалась переполненной, что показывало, что скончавшийся офицер бы известен, как знаток.

Узкие, обтянутые зеленой байкой столы под эстрадой аукциониста были заняты профессиональными торговцами, в их числе попадались и женщины, которые сидели с бумагой и карандашом в руках, являя то наружное безразличие и внутреннюю настороженность, какие можно подметить в залах Монте-Карло. Вокруг стояла спокойная толпа деловитых людей, по большей части покупателей различного типа.

На скамье, похожей на учительскую кафедру, сидел аукционист, производивший продажу с беспристрастием судьи и достоинством, не допускавшим, даже при самых похвальных замечаниях, ни малейшего оттенка энтузиазма.

Лучи октябрьского солнца, проникая сквозь стеклянную крышу, золотили тусклые газовые рожки и наполняли пыльную атмосферу бледным золотом.

Но все-таки полное отсутствие возбуждения в толпе, спокойный и ровный голос аукциониста и случайный жалобный выкрик носильщика: «Вещь здесь, господа!» – если

какой-нибудь предмет был слишком тяжел для передвижения, – все это подействовало угнетающим образом на обычно живого Вен-тимора.

Гораций знал, что коллекция в целом не имела большой ценности, но скоро стало ясно, что и другие, кроме профессора Фютвоя, отметили все действительно замечательные вещи, какие там были, и что профессор пометил цены значительно ниже тех, которые, казалось, были готовы за них дать.

Вентимор делал свои надбавки с наивозможной скромностью, но время от времени встречал такую конкуренцию по поводу какого-нибудь дырявого фонаря из мечети, гравированного кувшина или древней фарфоровой черепицы, что быстро достигал положенного ему предела и утешался единственно тем, что вещь окончательно продавалась почти вдвое дороже профессорской оценки.

Несколько торговцев и перекупщиков, отчаявшись выгодно приобрести что-либо, ушли, бормоча проклятия; большинство же из тех, кто еще оставался, перестало серьезно интересоваться происходившим и утешалось дешевыми остротами при всяком удобном случае.

Продажа медленно подвигалась вперед; от постоянного разочарования и голода Гораций почувствовал усталость и был очень рад, когда толпа поредела и ему удалось сесть за один из крытых зеленою байкой столов; тем временем небо из синевато-серого стало темно-серым от надвигавшихся сумерек.

Пара добродушных Бирманских Будд была только что пущена с торгов и с задумчивой, загадочной улыбкой переносила унижение пойти за девять с половиной шиллингов. Гораций ждал только последней из отмеченной профессором вещи: древнеперсидского медного кубка, выложенного серебром и с надписью из Гафиза, вырезанной по краям.

Предел, до которого ему было разрешено пойти, состоял в двух фунтах и десяти шиллингах, но Вентимору так отчаянно не хотелось вернуться с пустыми руками, что он решил прибавить лишний соверен, если это будет необходимо, и, конечно, умолчать об этом.

Однако, когда кубок был поставлен на стол, то цена скоро возросла до трех фунтов десяти, до четырех фунтов десяти, до пяти фунтов, до пяти гиней; за эту последнюю сумму он и был приобретен бородатым мужчиной, который сидел справа от Горация и немедленно начал рассматривать свою покупку более снисходительным взором.

Вентимор сделал все, что мог, и потерпел неудачу; ему не было причины оставаться дольше, но все-таки он продолжал сидеть, единственно из усталости и нежелания двигаться.

– Теперь номер 254, господа, – машинально проговорил аукционист, – большой ящик от египетской мумии, красиво... Нет, прошу извинения, я ошибся. Эта вещь по какому-то недоразумению не попала в каталог, хотя ее следовало внести. Все, что сегодня продается, господа, принадлежало покойному генералу Коллингаму. Назовем это: номер 253,

античный медный кувшин. Интересная вещь!

Один из носильщиков пронес кувшин между столами и с усталое-небрежным видом поставил его на дальний конец.

Это был старый устойчивый пузатый сосуд около двух футов вышины с длинным толстым горлом, отверстие которого было закрыто чем-то вроде металлической пробки или капсулы; но бокам не было видно украшений; стенки были грубы и покрыты углублениями, оставшимися от бывшей инкрустации, теперь отчасти выпавшей. Как антикварная вещь она, конечно, обладала кое-какими достоинствами; у более легкомысленных зрителей она вызвала остроты.

– Как вы назовете эту вещь? – спрашивал у аукциониста один из них с видом шаловливого ребенка, старающегося рассердить учителя. – Это также единственное в своем роде?

– Вы сами можете судить не хуже меня, – был осторожный ответ. – Всякий видит, что это не новоделный хлам.

– Красивое украшение для камина, – заметил один из шутников.

– Крышка-то отвинчивается что ли, или как? – спросил третий. – Похоже, что закрыта довольно плотно.

– Не могу вам ответить. По-видимому, ее совсем не открывали некоторое время.

– Тяжеленька! – сказал главный остряк, приподнявший ее. – А что там внутри, сардинки?

– Я вас не уверял, что внутри есть что-нибудь, – сказал аукционист. – Но если вы хотите знать мое мнение, то я ду-

маю, что в ней деньги.

– Сколько?

– Вы меня не понимаете, господа. Если я говорю, что в ней деньги, то это не значит, что они лежат внутри. У меня нет оснований быть уверенным, что там вообще есть что-нибудь. Я просто предполагаю, что вещь может стоить больше, чем кажется.

– Конечно! Можно поверить без труда!

– Ладно, ладно! Не будем терять времени, оставим рассуждения и предлагайте цену. Ну, начинайте!

– Два с половиной пенни! – крикнул комик, как будто со страшным усилием.

– Господа, прошу не шутить. Надо же, знаете, и кончить. Что-нибудь для начала! Пять шиллингов? Один металл стоит дороже. Но я делаю надбавку. Шесть. Посмотрите на нее хорошенько. Такая вещь не встречается на каждом шагу.

Кувшин ходил по рукам, получая незначительные щелчки и шлепки, и дошел до соседа Вентимора с правой стороны, который осмотрел его очень внимательно, но надбавки не сделал.

– Он хорош, знаете, – шепнул он на ухо Горацию. – Славная штука, действительно. Будь я на вашем месте, я бы купил!

– Семь шиллингов – восемь – девять дают за него там в углу, – говорил аукционист.

– Если вы находите, что он так хорош, почему же не берете

сами? – спросил Гораций у соседа.

– Я? Ну, он не совсем в моем вкусе. Да кроме того, последняя покупка почти очистила мои карманы. На сегодня я кончил. Но все равно это – редкость; не знаю, видел ли я когда-нибудь медный сосуд точно такой формы, но это – настоящая старина, только здешние молодцы слишком невежественны, чтобы знать ему настоящую цену. Я не считаю для себя трудом дать вам совет.

Гораций встал, чтобы лучше рассмотреть верхушку. Насколько он мог разглядеть при мигающем свете одного из газовых рожков, который был только что зажжен по приказанию аукциониста, на крышке были полустертые штрихи и треугольники, – пожалуй, какая-нибудь надпись. А в таком случае, не здесь ли было средство вернуть благосклонность профессора, которую он чувствовал, что мог потерять, заслуженно или нет, благодаря своей неудаче.

Едва ли он мог тратить деньги профессора на вещь, которая не была намечена в каталоге; он не имел разрешения покупать ее, но у него было в запасе несколько собственных денег. Почему бы не купить на свои, если хватит? Если же его перебьют, как доселе, то никакой беды в этом нет.

– Тринадцать шиллингов, – говорил аукционист своим бесстрастным тоном.

Гораций встретился с ним глазами, слегка поднял свой каталог, в то же время кто-то другой кивнул головой.

– Двое – четырнадцать!

Гораций снова поднял каталог. «Я не пойду дальше пятнадцати», – думал он.

– Пятнадцать! Это против вас, сударь! Кто больше пятнадцати? Шестнадцать! Это оригинальный, старый, восточный кувшин – только за шестнадцать шиллингов!

«В конце концов, – думал Гораций, – отчего не дойти и до фунта?» – И он надавил до семнадцати.

– Восемнадцать! – крикнул его соперник, маленький веселый торговец с лицом херувима; в то время, как соседи уговаривали его «сидеть смирно, как умный мальчик и не тратить зря своих карманных денег».

– Девятнадцать, – сказал Гораций.

– Фунт! – ответил херувимоподобный человек.

– Только фунт за большой медный сосуд, – безучастно сказал аукционист. – Все кончено за фунт?

Гораций подумал, что один-другой шиллинг не разорят его, и кивнул головой.

– Гинейя! В последний раз. Итак, вы отступаете, сударь? – спросил аукционер у маленького человека.

– Продолжай, Томми. Не давай себя побить. Брось еще монетку, Томми! – иронически советовали друзья. Но Томми отрицательно покачал головой с видом человека, который знает, когда выдернуть удочку.

– Одна гинейя, ведь это половина его стоимости! – сказал аукционист господину слева скорее печально, чем сердито, – и медный кувшин стал собственностью Вентимора.

Он заплатил за него. Но так как нельзя было идти домой, обнявшись с толстым медным кувшином и не привлекая совершенно ненужного внимания, то он решил отослать его к себе на квартиру, на Викентьеву площадь.

Когда он вышел на улицу, на свежий воздух, направляясь к себе в клуб, то он начал все более удивляться тому, что на него напало и заставило его выбросить гинею за эту вещь весьма сомнительной ценности, когда у него не хватало денег и на необходимые расходы.

3. Сюрприз при открывании

В тот вечер, когда Вентимор шел по направлению к Коттесмору, его думы были крайне непоследовательны или, вернее, представляли собою полный хаос. Мысль, что он сейчас увидит Сильвию, заставляла его кровь течь быстрее, хотя он и решил бесповоротно, что не скажет ей ничего, кроме того, что требует вежливость.

Он то благословлял профессора Фютвоя за счастливую мысль воспользоваться им, то горько размышлял, что для его собственного спокойствия было бы лучше, если бы его не трогали. Сильвия с матерью больше не хотели его видеть; если бы они хотели, то раньше попросили бы его прийти. Несомненно, они будут терпеть его ради профессора, но кто бы не предпочел быть совсем забытым, чем только терпимым?

Чем чаще он будет видеть Сильвию, тем сильнее будет его сердце болеть бесплодной тоской, тогда как теперь он почти примирился с ее равнодушием и скоро совсем излечится, если не будет видеть её. Зачем же ему видеть ее? Ему вовсе и не нужно входить в дом. Он просто может оставить каталог, прося передать привет, и профессор узнает все, что нужно.

Второй его мыслью было, что он должен зайти, хотя бы для того, чтобы возратить деньги, но он будет спрашивать только профессора. По всей вероятности, его не попросят в комнаты жены и дочери, а если бы и так, то он просто может

отказаться, извинившись. Пусть они думают, что это немного странно и даже нелюбезно, но, в общем, они будут так довольны, что даже не станут долго думать.

Когда он пришел в Каттесмор и на самом деле очутился у дверей дома Фютвой, одного из самых элегантных и скромных в этом отдаленном и безукоризненном квартале, то малодушно начал надеяться, что профессора может не быть дома и в таком случае позволительно только оставить каталог, а вернувшись домой, письменно сообщить о своей неудаче на аукционе и отослать деньги.

Профессора действительно не оказалось дома, но Гораций не обрадовался так, как ожидал. Горничная сказала, что дамы в гостиной, и, по-видимому, была уверена, что он зайдет. Тогда он попросил доложить о себе. Он не останется долго, а как раз столько, сколько потребуется для объяснения дела, и даст понять, что он не хочет навязывать им свое знакомство. Он застал г-жу Фютвой во второй половине красивой двойной гостиной за писанием писем, а Сильвия, которая была еще более ослепительна, чем когда-либо, в черном газовом платье с лиловым кушаком и букетиком пермских фиалок на груди, удобно расположилась с книгой в руке в первой комнате. Она как будто была удивлена, а быть может, и раздосадована тем, что ее потревожили.

– Я должен извиниться, – начал он с невольной сухостью в тоне, – что зашел к такое неподходящее время, но дело в том, что профессор...

– Я знаю, вы относительно этого дела, – быстро прервала его г-жа Фютвой, и ее пронизательные светло-серые глаза остановились на нем с холодным вниманием, хотя без неприязни. – Мы слышали, как мой муж бессовестно воспользовался вашей добротой. Правда, ведь это очень нехорошо с его стороны просить такого занятого, как вы, человека, оставить свою работу и потерять целый день на глупом аукционе!

– О, у меня не было никакой особенной работы. Я не могу назвать себя занятым человеком... к несчастью, – сказал Гораций с гордой откровенностью, не желая скрывать того, что другие уже превосходно знали.

– Ах, это очень мило с вашей стороны не придавать этому никакого значения, но все-таки он не должен был делать этого... после такого короткого знакомства. А еще хуже то, что он неожиданно ушел сегодня, но он скоро вернется, если вы ничего не имеете против того, чтобы подождать немного.

– Это совершенно лишнее, – сказал Гораций, – потому что каталог объяснит ему все. Все вещи, которыми он интересовался, были проданы за гораздо большую сумму, чем он предполагал дать, я не мог купить ни одной из них.

– Я положительно радуюсь этому, – сказала г-жа Фютвой, – потому что его кабинет переполнен всяким хламом, и мне не хотелось бы, чтобы весь дом был похож на музей или антикварную лавку. Мне стоило страшного труда убедить его, что огромный, пестрый, позолоченный ящик от мумии не вполне подходящая вещь для гостиной. Садитесь, по-

жалуйста, г. Вентимор.

– Благодарю вас, – сказал, заикаясь, Гораций, – я не могу остаться. Если вы будете добры передать профессору, как я был огорчен, не застав его дома, и вручить ему эти деньги, которые он мне оставил на всякий случай, я... я больше не буду вас затруднять моим присутствием.

Обыкновенно он не смущался в обществе ни при каких обстоятельствах, но теперь был охвачен диким желанием бежать, которое заставило его, к его собственному огорчению, держать себя, как робкий школьник.

– Пустяки, – сказала г-жа Фютвой. – Я уверена, что мой муж был бы очень недоволен, если бы мы по удержали вас до его прихода.

– Мне в самом деле нужно идти, – сказал он довольно решительно.

– Мы не должны принуждать г-на Вентимора оставаться, если он так очевидно хочет уйти, – сказала Сильвия холодно.

– Хорошо, я не буду удерживать вас или удержу лишь ненадолго. Не можете ли опустить мое письмо в почтовый ящик, когда будете проходить мимо? Я его почти кончила, и оно непременно должно пойти сегодня, а моя горничная Джесси так простудилась, что мне не хотелось бы посылать ее.

После этого нельзя было бы не остаться волей-неволей.

Ведь это займет только несколько минут! Сколько времени Сильвия может пожертвовать ему! Он не будет беспо-

коить ее опять. Г-жа Фютвой пошла к письменному столу. Сильвия и он остались одни.

Она села недалеко от него и сказала несколько общих фраз, явно только из простой вежливости.

Он отвечал машинально и с ужасом думал, неужели это та самая девушка, которая так дружески и так очаровательно доверчиво болтала с ним в Нормандии несколько недель назад?

Всего ужаснее было то, что она была очаровательнее, чем когда-либо: ее тонкие руки блистали белизной сквозь черное кружево рукавов, золотые нити искрились в мягких волнах каштановых волос при свете стоявшей сзади нее лампы, слегка нахмуренные брови и опущенные углы губ, казалось, выражали скуку.

– Как страшно долго мама пишет письмо! – сказала она наконец. – Пожалуй, лучше пойти и поторопить ее.

– Нет, пожалуйста, не ходите... разве только вы уж очень хотите избавиться от меня!

– А мне казалось, что это вы уж очень хотите убежать, – сказала она холодно. – И вообще, наше семейство отняло у вас достаточно много времени в один день.

– Не так вы разговаривали со мной в Сен-Люке! – сказал он.

– В Сен-Люке? Может быть! Видите ли, в Лондоне все делается иначе.

– Совсем иначе.

– Когда встречаешься с людьми за границей, они часто кажутся очень милыми в обществе, – продолжала она, – так что невольно считаешь их интереснее, чем они есть в действительности. Потом встречаешься с ними опять и удивляешься, чем только они могли нравиться! И бесполезно притворяться, будто относишься по-прежнему, потому что, обыкновенно, они начинают понимать это раньше или позже. Вам это не кажется?

– Совершенно с вами согласен, – сказал он, сильно задетый, – хотя и не знаю, чем заслужил подобные слова.

– О, я не хотела вас обидеть. Вы были бесконечно добры, я не могу себе представить, как папа мог ожидать, что вы возьмете на себя столько хлопот ради него. И все-таки вы это сделали, хотя, конечно, вам было крайне неприятно.

– Боже мой, да разве вы не знаете, что я был бы только слишком счастлив, имея возможность оказать ему хоть малейшую услугу... или вообще кому-нибудь из вас?

– Судя по вашему виду, когда вы вошли, вы были все что угодно, только не счастливы. Судя по вашему виду, у вас была единственная мысль: кончить это дело как можно скорее. Ведь вы же сами знаете, что теперь вы страстно хотите, чтобы мама кончила письмо и отпустила вас. Неужели думаете, что я этого не вижу?

– Если это верно или верно только отчасти, – сказал Гораций, – неужели вы не можете догадаться почему?

– Я догадалась еще в тот день, когда вы пришли сюда в

первый раз. Мама приглашала вас, и вы думали, что нужно же быть вежливым. Может быть, вы и действительно воображали, что вам будет приятно видеть нас опять, но оказалось, что это не так. О, я сейчас же заметила это по вашему лицу, вы сделались холодно-приличным, далеким и ужасным, и это меня сделало такой же. И вы ушли, окончательно решив, что больше не будете видаться с нами, насколько будет это возможно. Поэтому я так страшно рассердилась, когда услышала, что папа виделся с вами и по такому поводу.

Все это было так близко к истине и вместе с тем так искажало, что Гораций счел себя обязанным ее восстановить.

– Быть может, я должен бы оставить дело так, как есть, – сказал он, – но не могу. Это бесполезно, я знаю. Можно мне рассказать вам, почему мне в самом деле было больно встретить вас опять? Я думал, что это вы переменились, что вы хотели, чтобы я забыл, что мы были некоторое время друзьями. И хотя я никогда не упрекал вас, но это сильно задело меня, так сильно, что я боялся повторить опыт.

– Это вас сильно задело? – спросила Сильвия мягко. – Может быть, и меня также немножко.

– Однако, – прибавила она с внезапной улыбкой и две очаровательные ямочки появились на ее щеках, – это только показывает, насколько разумнее было выяснить положение вещей. Теперь, может быть, вы перестанете так упорно сторониться нас?

– Мне кажется, – сказал Гораций, все еще настойчиво не

допуская себя до прямого признания, – что самое лучшее было бы держаться в стороне.

Ее полузакрытые глаза блеснули сквозь длинные ресницы, фиалки поднимались и опускались на ее груди.

– Мне кажется, я вас не понимаю, – сказала она тоном, в котором звучали обида и боль.

Есть какое-то удовольствие в подчинении соблазнам, оно более чем вознаграждает за предыдущую муку сопротивления. Будь, что будет, он больше не хотел оставаться непонятым.

– Если уж нужно говорить, – сказал он, – то я отчаянно, безнадежно влюблен в вас. Теперь вы знаете причину.

– Это мне не кажется разумной причиной, чтобы желать уйти и никогда больше не видеть меня. Как вы думаете?

– Но если я не имею права говорить вам о своей любви?

– Но вы сказали!

– Я знаю, – сказал он тоном раскаяния. – Я ничего не мог поделать! Но я не собирался говорить. Это нечаянно сорвалось. Я вполне понимаю, как безнадежно...

– Конечно, если вы так уверены, то совершенно правы, даже не делая попытки.

– Сильвия! Неужели вы хотите сказать, что вам... что вам не все равно?

– Неужели же вы действительно не заметили? – сказала она с тихим и счастливым смехом. – Как глупо!.. И как мило!..

Он схватил ее руку, которую она оставила в его руке, вполне довольная.

– О, Сильвия! Значит, вы... Значит, вам не все равно! Господи! Но какое же я эгоистичное животное! Ведь мы не можем жениться! Ведь могут пройти годы, пока я буду вправе просить вашей руки. Ваши отец и мать и слышать не захотят о нашей помолвке!

– Разве нужно, чтобы они слышали о ней теперь, Гораций?

– Да. Это нужно. Я счел бы себя негодяем, если бы не сказал хоть вашей матери.

– В таком случае вы не должны считать себя негодяем, потому что мы сейчас пойдем вместе и скажем.

Сильвия встала и пошла в следующую комнату. Обняв мать, она сказала ей полупшепотом:

– Мама, милая, это положительно ваша вина, потому что вы пишете такие длинные письма. Но... но... мы в самом деле не знаем, как это случилось... Только Гораций и я... мы как-то сосватались. Вы не очень сердитесь, не правда ли?

– Я думаю, что вы оба крайне глупы, – сказала г-жа Фютвой, освобождаясь из объятий Сильвии, и, обернувшись к Горацию, сказала: – Судя по тому, что я слышала, г. Вентимор, ваше положение не таково, чтобы жениться в данное время.

– К несчастью, нет, – сказал Гораций. – Пока у меня нет ничего в виду. Но удача может прийти когда-нибудь. Я не

прошу у вас руки Сильвии до тех пор.

– А вы знаете, мама, вам ведь нравится Гораций! – уверяла Сильвия. – Я готова ждать его сколько угодно. Ничто не заставит меня отказаться от него, и я никогда не буду любить другого. Значит, видите, вы можете совершенно спокойно дать свое согласие.

– Боюсь, что я сама виновата, – сказала г-жа Фютвой. – Я должна была предвидеть это еще в Сен-Люке. Сильвия – наше единственное дитя, г. Вентимор, и я бы гораздо больше хотела видеть ее счастливой замужем, чем сделавшей так называемую «блестящую партию». Но тут как-то мало надежды... Я совершенно уверена, что ее отец не одобрит этого. Не нужно даже говорить ему... Он только рассердится.

– Раз вы не против, – сказал Гораций, – то вы и не запретите мне ее видеть?

– Мне кажется, я должна бы... – сказала г-жа Фютвой. – Но я ничего не имею против того, чтобы вы иногда приходили к нам, как обыкновенный гость. Только помните: пока вы не представите моему мужу документов, что вы способны содержать Сильвию, как она привыкла, формальной помолвки быть не может. Думаю, что я имею право просить вас об этом.

Было так ясно, что она права и гораздо более снисходительна, чем ожидал Гораций, – ибо он всегда смотрел на г-жу Фютвой, как на не особенно нежную и скорее светскую женщину, – что он принял ее условия почти с благодарно-

стью. В конце концов, для него уже было достаточно того, что Сильвия отвечала на его любовь, и что ему было разрешено видаться с ней время от времени.

– Немного досадно, – сказала Сильвия задумчиво, после того, как ее мать вернулась к своему письму, а она и Гораций принялись говорить о будущем, – немного досадно, что вам не удалось приобрести хоть что-нибудь на этой распродаже. Это могло бы вам помочь относительно папы.

– Да «что-нибудь»-то я купил, только на собственный счет, – сказал он, – и не знаю, может ли это принести мне пользу в глазах вашего отца. – И он рассказал ей, как приобрел медный кувшин.

– И вы в самом деле дали за него много? – спросила Сильвия. – По всей вероятности, вы могли бы приобрести точно такой же, только лучше, у Либерти приблизительно за семь с половиной шиллингов! Вещи в таком роде не представляют для папы ничего интересного, если только они не грязны, не в ржавчине и не допотопно стары.

– А эта вещь как раз такая. Я только потому и купил ее, хотя она и не значилась в каталоге, что, мне показалось, будто она могла бы заинтересовать профессора.

– О! – воскликнула Сильвия, сжав свои хорошенькие ручки. – Если бы это было так, Гораций! Если бы ваш кувшин оказался поразительно редким и драгоценным! Я думаю, что папочка был бы так восхищен, что согласился бы на все. Ах, вот его шаги... Он отпирает дверь. Теперь смотрите, не за-

будьте рассказать ему про этот кубшин.

По-видимому, профессор был не очень в духе, когда вошел в гостиную.

– Мне очень досадно, что пришлось уйти и некому было занять вас, кроме жены и дочери. Но я рад, что вы остались. Да, я, конечно, рад, что вы остались.

– Точно так, как и я, – сказал Гораций и стал давать отчет о распродаже, чем не мог улучшить настроение профессора. Тот выпячивал нижнюю губу при некоторых отметках в каталоге.

– Жаль, что я не пошел сам, – сказал он. – Этот кубок, истинно прекрасный образец персидской работы шестнадцатого века, пошел всего за пять гиней! Я бы охотно дал бы десять. Вот, вот! Я думал, что на ваше суждение можно больше полагаться!

– Если припомните, вы поставили мне строгие пределы относительно цен, которые назначили сами.

– Ничего подобного! – сказал профессор с неудовольствием. – На полях я сделал только указания, не больше. Вы могли быть уверены, что приобретете вы хоть одну из этих вещей за какую угодно цену, я был бы доволен.

Гораций имел мало оснований для подобного мнения, а очень много для уверенности в обратном, но он понял бесполезность возражений и поэтому просто сказал, что огорчен таким недоразумением.

– Без сомнения, вина тут моя, – сказал профессор тоном,

подразумевавшим противоположное. – И все-таки, даже оказывая снисхождения к неопытности в подобных вещах, я считал бы невозможным, чтобы кто-либо провел целый день, торгуясь у Гаммонда, и не оставил за собой ни одной вещи!

– Но, папа, – вставила Сильвия, – г. Вентимор купил-таки вещь, только на свой счет. Это – медный кувшин, не обозначенный в каталоге, однако, по его мнению, имеющий некоторую ценность. И он очень хотел бы слышать твое суждение.

– Хм! – фыркнул профессор. – Какая-нибудь медная базарная штука, по всей вероятности. Лучше бы он сберег свои деньги. Каков на вид этот ваш кувшин? А?

Гораций описал его.

– Гм. Похож на арабский «кум-кум» и, верно, употреблялся вместо лейки или для хранения розовой воды. Таких сотни, – заметил профессор ворчливо.

– На нем есть крышка заклепанная или припаянная, – сказал Гораций. – Общая форма приблизительно такова...

И он сделал быстрый набросок на память. Профессор неохотно взял его, а потом поправил очки, несколько заинтересовавшись.

– Да. Форма, конечно, античная. И герметически закрытая крышка, так? Вероятно, внутри есть что-нибудь.

– Не думаешь ли ты, что там внутри сидит какой-нибудь гений, как в запечатанном кувшине, который нашел рыбак в «Арабских сказках»? – воскликнула Сильвия. – Вот была бы потеха!

– Под словом «гений» ты, полагаю, разумеешь джинна. Это более правильный научный термин, – сказал профессор. – Женский род – джинья, а множественное число – джинны. Нет, я не считаю такое предположение вероятным. Но мне представляется возможным, что в сосуде, закрытом крышкой, как описывает г. Вентимор, хранились папирусы или другие памятники, интересные в археологическом отношении и могущие оказаться в целости. Я советовал бы вам, сударь, открывать крышку с величайшей осторожностью, не давайте воздуху внезапного доступа к документам, если таковые имеются, и лучше не трогайте их руками. Мне все-таки было бы любопытно узнать, действительно ли там есть что-нибудь, и если есть, то что именно.

– Я открою как можно осторожнее, – сказал Гораций. – И что бы там ни оказалось, можете быть уверены, я вам дам знать немедленно.

После этого он скоро ушел, ободренный сияющим и доверчивым взглядом Сильвии и восхищенный тайным пожатием ее руки при прощании.

Он был щедро вознагражден за все часы, которые провел в душном аукционном зале. Счастье, наконец, повернулось к нему лицом, он был на пути к удаче, он чувствовал это в воздухе, точно веяние крыльев богини Фортуны.

Все еще думая о Сильвии, он вошел в старомодный дом, стоявший на отлете, на северной стороне Викентьевой пло-

щади, в котором он квартировал уже несколько лет. Было около полуночи, и его хозяйка, г-жа Рапкин, так же как и ее муж, уже легли спать.

Вентимор вошел в свою гостиную, уютную комнату с двумя высокими окнами, выходящими на окруженную решеткой веранду. Эта комната, которую он меблировал и отделал по-своему, не отличалась тем подавляющим безобразием, какое присуще наемным комнатам.

Было совершенно темно, потому что погода стояла теплая и камин не топился, так что ему пришлось ощупью найти спички, чтобы зажечь лампу. Когда он это сделал и осветил комнату, то первый предмет, который он увидел, был шарообразный длинно-гордый кувшин, купленный днем, теперь стоявший на крашеных половицах у камина. Его доставили с необычной быстротой.

При виде его он почувствовал какое-то отвращение. «Вещь, более гнусная, чем я думал», – брезгливо сказал он про себя. «Каминная труба была бы столь же декоративна и уместна в моей комнате. Какой я поразительный осел, что истратил на него целую гинею! Хотел бы я знать, есть ли в нем действительно что-нибудь. Он так адски безобразен, что обязан быть полезным. Профессор, кажется, воображает, что там – документы, а ведь кому же и знать, как не ему! Я, во всяком случае, это увижу, прежде чем пойду туда».

Он схватил кувшин за толстое, длинное горло и попытался отвинтить крышку, но она оставалась неподвижной, в чем

не было ничего удивительного, судя по тому, каким толстым слоем лавоподобной коры она была покрыта.

– Нужно сначала соскоблить это, а потом попробую опять, – решил он и сходил вниз за молотком и долотом, которым стал сбивать кору, пока не обнажился нижний край крышки и нелепая металлическая шишка, как будто кнопка от затвора.

Некоторое время он усиленно жал ее и потом начал сбивать крышку. Затем он зажал сосуд между колен, пытаясь снять крышку. Крышка начала поддаваться очень медленно, еще поворот – и она осталась у него в руке так внезапно, что он с силой отлетел назад и порядочно ушиб затылок об угол панели.

У него осталось смутное представление о том, что кувшин лежит на боку, а из горла его густыми клубами, шипя, валит черный дым и гигантским столбом тянется к потолку. Он ощущал также какое-то особенно острый и одурманивающий запах. «Я купил что-то вроде адской машины, меня по кусочкам раскидает по всей площади меньше, чем через секунду».

Как раз, когда он пришел к этому выводу, он окончательно потерял сознание.

Вероятно, он пробыл без памяти не больше нескольких секунд, потому что, когда очнулся, то комната все еще была полна дыма, сквозь который он слабо различил фигуру незнакомца, казавшегося ненормально, почти исполински

высоким. Но это мог быть оптический обман, благодаря особенному свойству дыма увеличивать предметы, и когда дым рассеялся, то гость оказался не выше среднего роста. Он был пожилых лет, почтенной наружности, в восточном одеянии и в чалме темно-зеленого цвета. Он стоял с поднятыми вверх руками, говорил что-то громким голосом на языке, незнакомом Горацию.

Вентимор, все еще немного одурманенный, не удивился при виде его. Должно быть, г-жа Рапкин сдала, наконец, второй этаж какому-нибудь азиату. Он предпочел бы иметь соседом англичанина, но этот иностранец, вероятно, заметив дым, бросился к нему на помощь, что было по-соседски, и, вместе с тем, смело.

– Вы ужасно добры, что пришли, сударь, – сказал он, стараясь подняться на ноги. – Я не знаю точно, что случилось, но никакой беды не произошло. Я немножко разбит – вот и все. Кстати, вы, вероятно, говорите по-английски?

– Без сомнения, я говорю так, что меня понимают все, к кому я обращаюсь, – отвечал незнакомец. – Разве ты не понимаешь моей речи?

– Теперь вполне, – сказал Гораций. – Но вы сделали какое-то замечание, которые я не понял. Не будете ли добры повторить его?

– Я сказал: «Каюсь, о Божий Пророк! И никогда не вернусь к таким деяниям».

– А-а! – сказал Гораций. – Смею сказать, вы были несколь-

ко ошеломлены. И я тоже, когда открылась крышка сосуда.

– Скажи мне, это действительно твоя рука сняла печать, о чадо милосердия и добрых дел?

– Да, конечно, это я откупорил, – сказал Вентимор, – хотя не знаю, при чем тут милосердие, потому что не имею понятия о том, что было внутри.

– Я был внутри, – спокойно сказал незнакомец.

4. На свободе

– Значит, вы были в этой бутылке? – сказал Гораций мягко. – Как странно! – Он начал понимать, что имеет дело с помешанным азиатом, к которому надо было найти какой-то подход. К счастью, он оказался не опасным, хотя, бесспорно, был эксцентричен. Его густые волосы свисали в беспорядке из-под высокой чалмы на щеки ровного, бледно-реченного цвета, седая борода падала тремя жидкими прядями, а продолговатые узкие глаза цвета опала, были широко расставлены слегка под углом, в них отражалось любопытное сочетание лукавства и детской простоты.

– Ты сомневаешься, что я говорю истину? Говорю тебе, что я провел бесчисленные столетия в этом проклятом сосуде! Сколько времени, я и сам не знаю, ибо его нельзя исчислить.

– Я бы не подумал, судя по вашей наружности, что вы так долго пробыли в бутылке, – вежливо сказал Гораций. – Но, конечно, вам уже нужна перемена... Могу я спросить вас, если это вам не покажется нескромным, как вы попали в такое ужасное и неудобное положение? Хотя вы, вероятно, уже забыли за это время.

– Забыл?! – воскликнул тот и красноватый огонек сверкнул в его опаловых глазах. – Мудро было написано: «Пусть тот, кто ищет забвения, оказывает благодеяния, но память об оскорблении будет жить вечно». Я не забываю ни благо-

деяний, ни оскорблений.

«Старый джентльмен, познавший горе, – подумал Вентимор. – И в придачу сумасшедший. Приятная личность для сожительства в одном доме!»

– Знай, о ты, лучший из людей, – продолжал незнакомец, – что тот, кто говорит теперь с тобой, есть Факраш-эль-Аамаш, один из Зеленых джиннов. И я жил во Дворце Горы Облаков над городом Вавилоном, Саду Ирема, о котором ты, без сомнения, знаешь понаслышке.

– Кажется, слышал, – сказал Гораций, как будто это есть адрес, данный в адресном столе. – Восхитительное детство!

– У меня была родственница, Бидия-эль-Джемаль, которая обладала несравненной красотой и многообразными совершенствами. И так как она, хотя и джиннья, принадлежала к числу верных, то я отправил послов к Сулейману Великому, сыну Дауда, которому предложил ее в супруги. Но некий Джарджа-рис, сын Реджмуса, сына Ибрагима – да будет он проклят навеки! – благосклонно отнесся к девице и, тайно пойдя к Сулейману, убедил его, что я готовлю царю коварную западню на его погибель.

– А вы, конечно, даже и не помышляли ни о чем подобном? – спросил Вентимор.

– Ядовитый язык самые благородные побуждения может сделать грязными, – был уклончивый ответ. – Таким образом случилось, что Сулейман – мир ему! – внял голосу Джарджариса и отказался от девушки. Более того, он повелел схва-

тить меня, заключить в медный сосуд и бросить в море Эль-Каркар, чтобы я там оставался до Дня Страшного Суда.

– Нехорошо! В самом деле, как нехорошо! – пробормотал Гораций тоном, которым надеялся выразить сочувствие.

– Но ныне, благодаря тебе, о потомок благородных предков и добросердечный человек, мое освобождение свершилось. И прослужи я тебе тысячу лет, ни на что иное не глядя, то и таким образом я не расплатился бы с тобой, потому что все это было бы ничтожно в сравнении с твоими заслугами!

– Пожалуйста!.. Не стоит благодарности! – сказал Гораций. – Я бесконечно рад, что был полезен вам.

– В небесах, на воздушных страницах, начертано: «Кто делает добро, получит равную оплату». Разве я не Эфрит из джиннов? Итак, проси – и тебе будет дано.

«Бедный старичок! – думал Гораций. – Его голова сильно не в порядке. Теперь он вскоре захочет поднести подарок, и мне, конечно, нельзя будет принять его».

– Дорогой г. Факраш, – сказал он вслух. – Я ничего не сделал, ровно ничего, но если бы даже и сделал, то никак не могу брать плату за это.

– Каково твое имя и призвание?

– Я должен был отрекомендоваться раньше... Позвольте вручить вам мою карточку. – И Вентимор протянул ему карточку, которую тот взял и спрятал за пояс. – Это – адрес моей конторы. Я – архитектор... если вы имеет представление, что это такое. Это человек, который строит дома и церкви...

мечети, знаете ли... в сущности, все, что только ему закажут.

– Воистину полезное призвание... За него платят чистым золотом.

– Что касается меня, – признался Гораций, – то платы еще не видывал. Другими словами: мне никогда не платили, потому что у меня еще не было заказчиков.

– Что это за заказчики, о которых ты говоришь?

– Ах, ну, какой-нибудь богатый купец, который хочет построить себе дом и не очень смотрит на расходы. Здесь их великое множество, только мне-то они никак не попадают.

– Дай мне некоторый срок, и, если это возможно, я доставлю тебе такого заказчика.

Гораций невольно подумал, что рекомендация подобного субъекта вряд ли может иметь вес, но так как бедный старик, очевидно, считал себя в долгу и хотел расквитаться, то было бы не любезно окатить его холодной водой в награду за доброе намерение.

– Милостивый государь, – сказал он шутливо, – если вам когда-нибудь случится столкнуться с подобного рода заказчиком и если вы сумеете убедить его, что я как раз такой архитектор какого он ищет, – чего, скажу, доселе никто еще про меня не думал, – да сумеете направить его ко мне, то окажете мне величайшую услугу, на которую я едва могу надеяться. Но, пожалуйста, не хлопчите из-за этого.

– Это будет легче всего на свете, – сказал гость, – конечно (тут тень мучительного сомнения прошла по его лицу), если

хоть часть моего прежнего могущества осталась при мне.

– Ну не стоит думать об этом, – сказал Гораций. – Если не можете, я благодарен и за доброе желание.

– Прежде всего, было бы мудро узнать, где пребывает Сулейман. Тогда бы я мог выразить ему покорность и примириться с ним.

– Да, – коротко согласился Гораций, – я бы так и сделал. И это поставил бы себе целью... Только, знаете, не сейчас. Вероятно, он в постели. Завтра утром.

– Я очутился в чужой стране и не знаю, в каком направлении искать его. До тех пор, пока я не найду его, не оправдаюсь в его глазах и не отомщу врагу моему Джарджарису, я не буду знать покоя.

– Хорошо. Только теперь идите спать, как умный старичок, – сказал Гораций успокаивающим тоном, боясь, как бы этот бедный безумный азиат не попал в руки полиции. – Завтра успеете побывать у Сулеймана.

– Я буду искать его по всем краям земли!

– Совершенно правильно. Будьте уверены, что найдете его в одном из них. Только, видите ли, бесполезно начинать сегодня: последний поезд уже давно ушел.

Пока он говорил, ночной ветер принес через площадь бой громадных часов на Вестминстерской башне, которые прозвонили четверть, а затем, после паузы, торжественным раскатом возвестили час ночи.

«Завтра, – думал Вентимор, – поговорю с г-жой Рапкин.

Заставлю ее послать за доктором, чтобы поместить его под присмотр. Бедный старик в самом деле не должен разгуливать один!»

– Иду теперь... Сейчас же, – настаивал незнакомец, – потому что нельзя терять времени.

– Ах, полноте! – сказал Гораций. – После стольких тысяч лет несколько часов ничего не значат. Да вы не можете идти: теперь дом заперт. Позвольте мне проводить вас наверх, в вашу комнату, сударь!

– Нет. Я должен оставить тебя на некоторое время, о любезный юноша! Да будут счастливы дни твои, да будут равными пути твои, да низвергнутся во прах завистники твои, ибо любовь к тебе вселилась в сердце мое, если это будет мне дозволено, я приму тебя под покровительство моего благоволения.

Когда он кончил свою речь, то, к безмолвному изумлению Вентимора, исчез сквозь стену, которая была позади него. Во всяком случае, он каким-то образом удалился из комнаты, и Гораций остался один.

От потер себе затылок, который начинал болеть. В самом деле, не мог же он врасти в стену, сказал он себе. Это слишком нелепо! Дело в том, что я чересчур взволнован всем случившимся сегодня. Самое лучшее, что я могу сделать, – это сейчас же лягу спать!

Это он тут же исполнил.

5. Carte Blanche

Когда Вентимор проснулся на другое утро, его головная боль прошла, а с нею исчезли и все воспоминания, кроме одного: о том удивительном и восхитительном обстоятельстве, что Сильвия любит его и обещала со временем принадлежать ему. Ее мать также была на его стороне, что же ему было отчаиваться в чем-либо, если так? Конечно, приходилось считаться и с профессором, но ведь и его можно уговорить согласиться, в особенности, если окажется, что медный кувшин... Тут Гораций начал вспоминать свой удивительный сон, который имел связь с его дипломатической покупкой. Ему снилось, что будто он сбил крышку с кувшина, в котором, вместо древних рукописей, оказался пожилой джинн, утверждавший, что был заключен туда по приказу царя Соломона!

Он недоумевал, что в его голову пришла такая дикая фантазия. Потом он улыбнулся, добравшись до шутливого предположения Сильвии, что в кувшине мог оказаться «гений», как в знаменитом кувшине «Арабских сказок», или джинн, согласно педантичной поправке ее отца. На этом легком основании его сонный мозг воздвиг целое сложное здание – такую живую сцену и такую обстоятельную и правдоподобную историю, что даже теперь, вопреки всей ее необычайности, он едва мог убедить себя, что все это было только в его вооб-

ражении. Психология снов несет в себе какую-то манящую тайну даже для наименее серьезного исследования.

Когда он вошел в гостиную, завтрак уже ждал его, он оглянулся кругом, как бы ожидая увидеть в углу кувшин с сорванной крышкой и поваленный набок, как он видел его во сне. Разумеется, его там не было, и он ощутил странное облегчение, кувшин еще не доставили из аукционного зала. Ну тем лучше, потому что ему еще предстояло убедиться, есть ли что-нибудь внутри, и кто знает, не окажется ли в нем что-нибудь более интересное, чем старый ворчливый джинн со своей тысячелетней обидой!

После завтрака он позвал свою хозяйку, которая немедленно явилась. Г-жа Рапкин была лучшей представительницей своего класса, заслужившего так много нареканий. Она была до крайности чистоплотна и аккуратна в одежде; ее песочно-желтые волосы были так приглажены и так туго закручены, что это придавало ее голове цвет и форму волоцкого ореха; у нее были острые мышинные глазки, ноздри, которые, казалось, чуяли битву издали, большой рот с тонкими губами, который, казалось, должен захлопываться с треском, и кожа на лице сухая, беловато-коричневая, цветом похожая на отруби.

Впрочем, непривлекательная по наружности, она обладала добрым сердцем и была предана Горацию, к которому относилась с почти материнской заботливостью, жалея, что он не был, как она говорила, «достаточно серьезен», чтобы су-

мать хорошо устроиться в жизни. Рапкин посватался к ней и женился на ней, когда оба жили в услужении, да и теперь он еще кое-когда бывал буфетчиком на заказных обедах, хотя Гораций подозревал, что его главным занятием было поглощение джина с водой и особенно остропахучих сигар у себя, внизу.

– Вы сегодня будете дома обедать, барин? – спросила г-жа Рапкин.

– Не знаю. Да вы для меня не готовьте, вероятно, я пообедаю в клубе, – сказал Гораций.

Г-жа Рапкин, у которой было твердое убеждение, что все клубы суть рассадники порока и расточительности, фыркнула неодобрительно.

– Кстати, – сказал он, – если пришлют сюда такую медную посудину, то это так и надо. Я купил ее вчера на распродаже. Обращайтесь осторожно, эта штука старая.

– Сюда прислали вазу вчера поздно вечером, барин, я не знаю, та ли это, она довольно старинная.

– Так принесите ее, пожалуйста, мне хочется взглянуть.

Г-жа Рапкин ушла и тотчас вернулась с медным кувшином.

– Я думала, что вы его заметили вчера вечером, когда вернулись, – объясняла она, – потому что я поставила его в угол, а когда увидела его утром, то он лежал на боку, он был такой грязный и неприглядный, что я взяла его, чтоб хорошенько почистить.

Положительно, кувшин стал получше, и знаки или царапины на крышке выступили явственнее, но Гораций был несколько смущен, когда открыл, что часть его сна была действительностью – ведь кувшин был здесь.

– Надеюсь, я не сделала ничего дурного, – сказала г-жа Рапкин, наблюдая за выражением его лица. – Я его только немного потеряла теплым пивом, это отлично для медных вещей, и помылила мылом, но сразу вся грязь не отойдет.

– Это все ничего; но вы не пробовали снимать крышку? – спросил Гораций.

– Да ведь крышка была снята, сударь. Я думала, что это сделали вы молотком и долотом, когда пришли домой, – сказала хозяйка, вытаращив глаза. – Я нашла их здесь на ковре.

Гораций вздрогнул. Так, значит, и эта часть сна была правдой!

– Ах, – сказал он, – кажется, что так. А я и забыл. Теперь припоминаю. Скажите, не сдали ли вы комнату наверху... восточному господину... иностранцу, знаете... с зеленой чалмой на голове?

– Ни в коем случае, г. Вентимор, – сказала г-жа Рапкин с жаром, – и даже никогда не может быть. Будь у него чалма хоть всех цветов радуги! Потому что я с такими не вожусь. Родная золовка Рапкина сдала раз свою квартиру одному восточному – персу какому-то или эфиопу, – и как она потом каялась, хоть он и носил золотые очки! С чего вы взяли, будто я сдам комнату какому-то арапу?

– Я так подумал, потому что я тут видел одного человека... гм... который как будто похож... и мне хотелось узнать, не...

– Никак не в этом доме, сударь. Вот г-жа Стеггарс, через дом, могла бы пустить кого-нибудь подобного, с этим я спорить не стану, потому что она неразборчива, да и ее комната больше подходит к диким нациям, но у меня на руках достаточно дела, г. Вентимор, потому что я служу вам и не держу горничной, да и зачем мне горничная, когда я сама могу справиться лучше!

Как только она освободила его от своего присутствия, он осмотрел кувшин: внутри ничего не было, и это уничтожило все надежды, которые он мог лелеять.

Было легко приписать восточное видение галлюцинации, вызванной удушливым дымом (потому что теперь он уже верил в дым) который, без сомнения, образовался благодаря быстрому разложению каких-то давно закупоренных пряностей или тому подобных веществ при их внезапном соприкосновении с воздухом.

Если бы нужны были дальнейшие объяснения, то случайного ушиба затылка вместе с недавним упоминанием об «Арабских сказках» было вполне достаточно.

Итак, восстановив все это в своей памяти, он пошел на Большую Монастырскую, в свою контору, которая теперь была в его распоряжении, и погрузился в чертежи для Биво-ра.

Работа была более или менее механическая; она не могла принести ему выгоды, разве только немного благодарности, но Гораций имел счастливую способность основательно делать все, за что брался. Устроившись у широко распахнутого окна, он скоро совершенно забыл обо всем, кроме дела, которым был занят.

Поэтому, даже когда на минуту потемнело, как будто что-то большое и плотное тело прошло мимо, он не поднял головы тотчас же, но когда ее поднял, то удивился, увидав на своем единственном кресле какого-то полного человека, старавшегося перевести дух.

– Извините, – сказал Вентимор, – я не слышал, как вы вошли.

Посетитель мог только помахать рукой, как бы вежливо принимая извинение, но, в сущности, скрывая растерянность и замешательство. Это был безукоризненно чистый пожилой господин с розовыми толстыми щеками и седыми бакками; его глаза, в эту минуту слегка вытарщенные, были лукавы, но добродушны, он имел большой подвижный рот и двойной подбородок. Одет он был как человек, который уже перестал скрывать свое благосостояние. На малиновом галстуке красовалась крупная грушевидная жемчужина, и, по всей вероятности, он только недавно перестал носить белую летнюю шляпу и белый жакет.

– Милостивый государь, – начал он звучным, гортанным голосом, как только оказался в состоянии заговорить, – вы,

конечно, должны считать такой способ вторжения к вам крайне бесцеремонным... да... вторжение в ваше частное жилище...

– Вовсе нет, – сказал Гораций, недоумевая, не хочет ли он заставить его понять, будто вошел через окно. – Боюсь, что некому было вас проводить сюда. Моего помощника как раз тут нет.

– Ничего, сударь, ничего! Я нашел дорогу, как видите. Самое важное, смею сказать, самое существенное, это то, что я здесь.

– Именно так, – сказал Гораций. – Но смею спросить, что привело вас ко мне?

– Что... – Глаза незнакомца на минуту стали рыбьими. – Позвольте мне... я скажу об этом... в свое время. Я еще немного... как вы можете заметить... – Он оглядел комнату. – Вы, кажется, архитектор, г... э... гм?

– Моя фамилия – Вентимор, – сказал Гораций, – и я действительно архитектор.

– Вентимор, конечно! – Он опустил руку в карман и вытащил визитную карточку. – Да, совершенно правильно. Тут так и есть. Архитектор, г. Вентимор, и как мне... мне дано понять... необыкновенно искусный.

– Боюсь, что я не имею право претендовать на это, – сказал Гораций. – Но я могу назвать себя довольно компетентным.

– Компетентным? Ну, конечно, вы компетентны. Вы думаете, сударь, что я, практичный деловой человек, пришел

бы к кому-нибудь некомпетентному? – проговорил гость с видом человека, старающегося убедить самого себя, вопреки собственному суждению, будто поступает крайне благо-разумно.

– Должен ли я понять, что кто-нибудь был столь любезен, что рекомендовал меня вам? – спросил Гораций.

– Конечно, нет, сударь, конечно, нет! Я не нуждаюсь в ре-комендациях, мне достаточно собственного суждения. Я... я... достаточно ознакомлен со всем, что имеет успех в обла-сти искусства, и пришел к заключению, г... э-э-э... Венти-мор, – повторяю: к свободному, самостоятельному заключе-нию, что вы – единственный на земле человек, который мо-жет выполнить то, что мне нужно.

– Счастлив слышать это, – сказал Гораций, искренне обра-дованный. – Вы видели что-нибудь из моих проектов?

– Не беспокойтесь! Я не принимаю решений без доста-точных оснований. Я недолго думаю, и раз решил, то дей-ствую, сударь, действую! Теперь перейдем к самой сути. У меня есть маленькое дело... недостойное... вашего выдаю-щегося таланта... Но это дело я желал бы поручить вам.

«Не собирается ли он тоже просить меня сходить на аук-цион? – подумал Гораций. – Если так, я скорей повешусь!»

– Я несколько занят в настоящее время, – сказал он нерешительно, – как можете видеть. Я не уверен, могу ли я...

– Я буду краток, сударь, буду краток. Моя фамилия – Ва-кербас, Самуэль Вакербас, должен сказать, довольно извест-

ная в торговом мире.

Гораций, разумеется, скрыл, что фамилия и известность посетителя, были ему неизвестны.

– Я недавно купил несколько акров на окраине Гампшира, недалеко от дома, где живу сейчас, и надумал – о чем я как раз говорил приятелю, идя с ним по Вестминстерскому мосту, – надумал построить себе домик там, простой, неприязательный домик, куда бы я мог ездить каждую неделю и где бы мог скромно принять одного-двух приятелей, а может быть, и прожить часть года. До сих пор я нанимал помещения, какие мне были нужны, – старые фамильные усадьбы, старинные замки и т. п. Это очень мило в своем роде, но мне хочется чувствовать себя под собственной крышей. Я хочу окружить себя простым комфортом... э... неприязательным изяществом английского деревенского дома. И вы – тот человек – я чувствую это все больше, с каждым словом, которое вы произносите, – вы – тот человек, который может выполнить эту задачу... э... э... исполнить дело, как следует.

Вот он, наконец, давно желанный клиент! Было очень приятно чувствовать, что он явился самым обыкновенным, шаблонным путем, потому что никто не мог бы ни на минуту поверить, глядя на г-на Самуэля Вакербаса, чтобы он был способен впорхнуть через открытое окно. Нет, он был совсем в ином роде.

– Я буду счастлив сделать все, что смогу, – сказал Гораций во спокойствием, которое удивило его самого. – Не можете

ли дать мне некоторое понятие о сумме, какую рассчитываете истратить?

– Ну, я не Крез, хотя не скажу, что совсем нищий, и как я уже сказал, предпочитаю не пышность, а удобство. Я не хотел идти выше... ну, скажем, шестидесяти тысяч.

– Шестидесяти тысяч! – воскликнул Гораций, который ожидал суммы приблизительно в десять раз меньшей. – О, не больше шестидесяти тысяч? Я понимаю.

– Я говорю только о самом доме, – объяснил г. Вакербас, – потом будут надворные постройки, сторожки, избы и т. п., а кроме того, я хочу, чтобы некоторые комнаты были особенно отделаны. В общей сложности, чтобы довести дело до конца, можно ассигновать до ста тысяч. Думаю, решил, что на таких основаниях вы могли бы выстроить мне что-нибудь, Говоря скромно, не имеющее себе равного в соседних графствах.

– Я уверен, – сказал Гораций, – что за такую сумму я могу взяться построить вам дом, который вполне удовлетворит вас.

И он начал предлагать обычные вопросы относительно местоположения, грунта, материалов, которыми можно воспользоваться для постройки, авансов, которые потребуются, и так далее.

– Вы молоды, сударь, – сказал г. Вакербас к концу беседы, – но, я замечаю, вы в курсе всех тонкостей... я сказал бы, вы сведущи в мельчайших деталях вашей профессии. Не хотите ли съездить и взглянуть на грунт, а? Конечно, это нуж-

но, а моя жена и дочери тоже захотят сказать свое слово... Нельзя иметь успех, если не угождаешь дамам, а? Вот посмотрим. Завтра воскресенье. Почему бы не поехать с утренним поездом в 8 ч. 45 м. утра в Линсфильд? Будет для вас повозка, или парный экипаж, или еще что-нибудь... сам свожу вас на место стройки, позавтракать привезу к нам в Ориель-Корт, и мы все обсудим основательно. Затем мы вас отправим в город вечером, а с понедельника можете начать работать. Идет? Ну, хорошо. Завтра будем ждать вас.

С этими словами г-н Вакербас ушел, оставив Горация, как легко себе вообразить, совершенно ошеломленным внезапно и полнотой счастья. Он уже не был безработным, ему предстоял труд, и, что еще лучше, труд интересный, дававший ему желанную возможность размаха и удачи. Благодаря заказчику, который казался сговорчивым и для которого деньги явно не служили препятствием, он мог осуществить какую-нибудь из своих наиболее честолюбивых идей.

Более того, теперь он мог обратиться к отцу Сильвии без страха быть отвергнутым. Дело на 60000 фунтов принесет ему около 3000 фунтов, а отделка и другие работы – по крайней мере столько же, если не больше. Через год он может смело жениться; через два или три года у него будет недурной заработок, так как он был уверен, что после такого дебюта он скоро будет иметь столько дела, сколько захочет взять.

Ему было стыдно за свое бывшее малодушие. Ведь эти последние годы томительного ожидания были только испыта-

нием и подготовкой к этому блестящему выступлению, возможность которого открылась как раз так просто и естественно и именно когда был всего труднее.

Добросовестно выполнив работу, обещанную Бивору, которому отныне предстояло обходиться без него, он почувствовал себя слишком возбужденным и взволнованным, чтобы сидеть в конторе. После обычного завтрака в клубе он вознамерился доставить себе удовольствие и пойти в Кате-смарь, чтобы принести Сильвии хорошую весть.

Было еще рано; он всю дорогу шел пешком, чтобы дать выход своему бурно-веселому настроению, и особенно остро наслаждался всем: и серовато-розовым, покрытым мелкими облаками небом над собою, и скудной янтарно-желтой и красноватой зелению Кенсингтонского парка, и резким запахом осыпавшихся диких каштанов, желудей и блеклых листьев, и голубовато-серым туманом, подползавшим издали, между стволами деревьев, и потом – веселой суетою и блеском на Высокой улице.

Наконец ему была дана радость застать Сильвию совсем одну, увидеть ее искренний восторг по поводу того, о чем он пришел ей рассказать, почувствовать ее руки на своих плечах и держать ее в своих объятиях, в то время как их губы встретились в первый раз. Если бы в ту субботу нашелся человек счастливее Вентимора, он хорошо бы сделал, если бы скрыл свое счастье ввиду опасности вызвать зависть бес-

смертных богов.

Когда вернулась г-жа Фютвой, – что случилось, пожалуй, слишком скоро, – и нашла свою дочь и Горация сидящими вместе на диване, она не стала притворяться довольной.

– Это называется некрасиво воспользоваться моей вчерашней слабостью, г. Вентимор, – начала она. – Я думала, что на вас можно положиться.

– Я бы не пришел так скоро, – сказал он, – если бы мое положение было такое же, как вчера. Но оно переменялось, поэтому я смею надеяться, что даже профессор не станет теперь противиться нашей формальной помолвке.

И он рассказал ей о внезапной перемене своей судьбы.

– Хорошо, – сказала г-жа Фютвой. – Вам надо поговорить об этом с мужем.

Скоро пришел профессор, и Гораций тотчас попросил его поговорить с ним несколько минут в кабинете, на что тот охотно согласился.

Кабинет, куда привел его профессор, был пристроен к дому и завален восточными редкостями всех веков и всякого рода. Мебель была сделана каирскими столярами, а на карнизах книжных полок красовались тексты из Корана, между тем как на каждой спинке блестела золотом арабская надпись «привет». Лампой служил просверленный фонарь из мечети с длинными стеклянными подвесками; оболочка мумии улыбалась из угла с принужденным добродушием.

– Ну, – начал профессор, как только они сели, – значит,

я не ошибся, и в медном кувшине все-таки оказалось нечто. Позвольте взглянуть, что это такое?

На минуту Гораций почти совсем забыл о кувшине.

– О! – сказал он, – я его открыл, но в нем ничего не оказалось.

– Ну да, как я и предполагал, сударь, – сказал профессор. – Я вам говорил, что в таких сосудах ничего не бывает, вы просто выбросили деньги, купив его.

– Да, это так, но я хотел поговорить с вами о более важном. – И Гораций коротко объяснил, в чем дело.

– О Господи, – сказал профессор, с раздражением ероша голову, – о, Господи! Мне это и в голову не приходило, совсем не приходило! Я был под тем впечатлением, что в Сен-Люке вам угодно было провожать мою жену и дочь единственно из добросердечия... из желания избавить меня от того, что было бы для человека с моими привычками... в такую страшную жару... трудной и неприятной обязанностью.

– Допускаю, что это делалось не вполне бескорыстно, – сказал Гораций. – Я полюбил вашу дочь, сударь, с первого же дня, как ее увидел, но как бедный человек, безо всяких перспектив, я чувствовал себя не вправе говорить об этом ей или вам.

– Чувство очень почтенное, но мне остается узнать, почему вы преодолели его.

Тут Гораций в третий раз рассказал историю внезапной перемены в своей судьбе.

– Я знаю этого Самуэля Вакербаса по слухам, – сказал профессор. – Это – один из главных пайщиков фирмы Экере и Ковердэль, крупных земельных спекулянтов... Очень влиятельный человек, только бы вам удалось угодить ему.

– О, не имею ни малейших сомнений на этот счет, – сказал Гораций. – Я намерен построить ему дом, который превзойдет его самые пылкие ожидания, и вы увидите, что через год у меня наберется несколько тысяч. Нечего и толковать, что, вступая в брак, я положу на имя невесты сколько вы найдете нужным...

– Когда вы будете обладать этими тысячами, – сухо заметил профессор, – то мы еще успеем поговорить о женитьбе, о помещении денег. А пока, если вы с Сильвией хотите считать себя помолвленными, я ничего не имею против... только настоятельно прошу вас обещать мне, что вы не станете уговаривать ее выйти за вас без согласия родителей.

Вентимор обещал это довольно охотно, и они вернулись в гостиную. Г-жа Фютвой не могла не пригласить Горация остаться обедать на правах жениха; нечего и говорить, что он с восторгом согласился.

– Есть одна вещь, мой дорогой... а... а... Гораций, – торжественно сказал профессор после обеда, когда опрятная горничная оставила их за десертом, – одна вещь, против которой я считаю долгом предостеречь вас. Если хотите оправдать то доверие, которое мы вам оказали, согласившись на вашу помолвку с Сильвией, вы должны обуздать вашу склон-

ность к излишней расточительности.

– Папа! – воскликнула Сильвия. – Откуда ты взял, будто Гораций расточителен?

– Да, в самом деле? – сказал Гораций. – Я ведь не нахожу себя таким.

– Никто никогда не находит себя особенно расточительным, – возразил профессор, – но я наблюдал в Сен-Люке, что вы обыкновенно давали пятьдесят сантимов на чай, когда двадцать или десять было бы за глаза достаточно. Кроме того, никто, придающий какую бы то ни было цену деньгам, не дал бы гинеи за ничего не стоящий медный кувшин, ради сомнительной возможности, что он содержит рукописи, чего не оказалось, как и можно было предсказать.

– Но кувшин вовсе не плох, – защищался Гораций. – Если вы припомните, вы сами сказали, что форма его незаурядна. Почему он не стоит этих денег или даже дороже?

– Для коллекционера, может быть, – сказал профессор со своей обычной любезностью, – а вы не коллекционер. Нет, я могу только назвать это бессмысленной и предосудительной тратой денег.

– Ну, так сказать по правде, – заявил Гораций, – я купил его с той мыслью, что он, может, заинтересует вас.

– В таком случае вы ошиблись, сударь. Он меня не интересует. Да и чем для меня интересен металлический сосуд, о котором нельзя доказать, что его не отлили в Бирмингеме на днях?

– Найдутся и доказательства, – сказал Гораций, – какая-то печать или надпись, выгравированная на крышке. Разве об этом я не упомянул?

– Нет, вы ничего не говорили о надписи, – ответил профессор с несколько большим оживлением. – А какая надпись? Арабская? Персидская? Куфская?

– Я этого не могу сказать... она почти сгладилась... странные треугольные отметки, вроде птичьих следов.

– Что-то похожее на клинообразные письма, – сказал профессор, – которые могли бы указывать на финикийское происхождение. А так как я не знаю восточных медных изделий ранее девятого века нашей эры, то должен бы счесть ваше утверждение явно невероятным. Все-таки я хотел бы иметь возможность как-нибудь лично осмотреть сосуд.

– Когда вам угодно, профессор. Когда вы можете пожаловать?

– Ну, я так занят весь день, что не могу назначить наверное день моего возможного прихода к вам в контору.

– Теперь и мои дни будут достаточно заполнены, – сказал Гораций, – и вещь эта не в конторе, а у меня на квартире, на площади Викентия. Почему бы вам всем не пожаловать запросто к обеду как-нибудь на следующей неделе? А потом вы, профессор, могли бы спокойно рассмотреть надпись и узнать, что это, в сущности, такое. Ну, скажите, что вы согласны!

Он страстно хотел иметь возможность принять Сильвию

у себя на квартире в первый раз.

– Нет, нет, – сказал профессор, – я не вижу причины, за чем бы вам нянчиться с целой семьей. Могу зайти один как-нибудь вечером, и взглянуть на горшок.

– Спасибо, папа! – вставила Сильвия. – Ведь и мне бы хотелось пойти и услышать, что вы скажете о Горациевой бутылке. И я просто умираю от желания видеть его комнаты. Я думаю, они роскошны.

– Надеюсь, – заметил ее отец, – что они далеко не соответствуют такому предположению. А если бы это было так, я счел бы это весьма неудовлетворительным показанием насчет характера Горация.

– Там нет никакого великолепия, уверяю вас, – сказал Гораций. – Правда, я их отделал и меблировал за свой счет, но совершенно просто. Я не был в состоянии истратить много на это. Приходите и увидите. Я хочу устроить маленький обед в ознаменование моей удачи... Так хорошо, если вы все придете.

– Если мы придем, – не сдавался профессор, – то с условием: что вы не будете устраивать изысканный банкет. Простая, обыкновенная, здоровая пища, хорошо приготовленная, вот какая у нас была сегодня, – это совершенно достаточно. Если будет иначе, я увижу в этом тщеславие.

– Милый, милый папочка, – протестовала Сильвия в отчаянии от этого диктаторского тона. – Право, ты можешь предоставить все это Горацию.

– Дорогая моя, Гораций понимает прекрасно, что я, говоря так, относился к нему, как к предполагаемому члену нашей семьи.

Тут Сильвия сделала незаметную гримасу.

– Ни один молодой человек, который собирается жениться, не должен предаваться расточительности только на основании своих надежд на будущие блага, которые, несмотря на все, что он может рассказывать, – сказал профессор весело, – могут не оправдаться. Наоборот, если его чувство искренне, он будет делать как можно меньше трат, откладывая каждую копейку, какую может сберечь, чтобы не подвергать любимую девушку пытке долгого ожидания. Другими словами, самый верный жених будет самым бережливым человеком.

– Я вполне понимаю, – сказал Гораций добродушно, – что было бы глупо с моей стороны хлопотать об изысканном угощении уже по тому одному, что мою хозяйку – хотя она хорошо готовит простые кушанья – нельзя назвать поварихой. Так что вы можете пожаловать к моему скромному столу безо всяких опасений.

Прежде чем он ушел, был приблизительно назначен день для предполагаемого обеда – в конце следующей недели, поэтому Гораций возвращался домой как будто не шел по твердой каменной мостовой, а летел по воздуху, касаясь звезд своей поднятой головой.

На другой день он побывал в Лингсфильде и познакомился со всем семейством Вакербасов, которые все страшно ин-

тересовались будущим деревенским домом. Местоположение было такое, что лучшего не мог бы пожелать и самый взыскательный архитектор. Он вернулся в город в тот же вечер, проведя приятный день и достаточно узнав не только требования своего клиента, но еще важнее, требования его жены и дочерей, таким образом, он был в состоянии начать вычерчивать планы на следующее утро.

Прошло немного времени после его возвращения домой, и он все еще находился под приятным впечатлением понятливости, с которой Вакербасы оценили и приняли его предложения и наброски, как вдруг его поразило явление, которое было столь же неприятно, сколь неожиданно.

Стена перед ним расступилась, как туман, и сквозь нее проникла, благосклонно улыбаясь, зеленая фигура джинна Факра-ша-эль-Аамаша.

6. Ненужные богатства

Вентимор так убедил себя, что освобожденный джинн был только созданием его собственной фантазии, что, вздрогнув, стал тереть глаза в надежде, не обманули ли его они.

– Пригладь главу твою, о милосердный и достопочтимый, – сказал гость, – и соберись с духом, чтобы внять благовести. Ведь это воистину я, Факраш-эль-Аамаш, кого созерцаешь.

– Я... я... очень рад вас видеть, – сказал Гораций сколько мог сердечнее... – Чем могу служить вам?

– Ничем. Разве не оказал ты мне величайшую услугу, освободив меня! Вырваться из сосуда – приятно! И моим освобождением я обязан тебе!

Значит, все была правда! Он в самом деле освободил пленного гения или джинна – или как его там? – из той бутылки! Он знал, что теперь не спит, хотя желал бы, чтобы это оказалось сном. Впрочем, раз уж так вышло, то лучше всего было принять довольный вид и как-нибудь убедить это нелепое существо, чтобы оно исчезло и оставило его в покое.

– О, это пустяки, мой дорогой, – сказал он. – Не думайте больше об этом. Я... как будто вас понял, что вы хотели отправиться в путешествие в поисках Сулеймана?

– Я был и вернулся. Я посетил различные его владения,

надеясь случайно услышать о нем, но воздержался от прямых расспросов, чтобы ими не возбудить подозрений и чтобы Сулейман не узнал о моем освобождении прежде, чем я добьюсь свидания с ним и вымолю у него прощение.

– О, это вряд ли могло случиться, – сказал Гораций. – Если бы я был на вашем месте, то сейчас же вернулся бы и продолжал бы странствовать, пока не нашел бы Сулеймана.

– Мудро было сказано: «Не проходи мимо двери, не постучав в нее, дабы, по несчастью, за ней не оказалось то, чего ты ищешь».

– Именно, – сказал Гораций. – Осмотрите каждый город внимательнее, дом за домом, и не пренебрегайте ни малейшим указанием. «Если сразу нет удачи, – снова, снова начинай», – как учит один из наших поэтов.

– «Снова, снова начинай!» – повторил джинн с почти безумным восторгом. – Поистине божественно одарен был тот, кто сложил подобный стих.

– Он имеет великую славу мудреца, – сказал Гораций, – и этот его стих считается одним из самых удачных. Не думаете ли вы, так как Восток довольно густо заселен, что чем скорее вы последуете совету поэта, тем выйдет лучше?

– Может быть, это так, как ты говоришь. Но знай, о, сын мой, что где бы я ни странствовал, я никогда не перестану измышлять, как бы получше вознаградить тебя за твою ко мне благосклонность. Потому что благородно было сказано: «Если бы я обладал богатством и не был щедрым, пусть моя

голова никогда бы не поднялась».

– Мой добрый друг, – сказал Гораций, – поймите, пожалуйста, что если бы вы предложили мне награду за... за простую вежливость, то я должен был отклонить ее.

– А разве ты мне не сказал, что сильно нуждаешься в заказчиках?

– Так было в то время, – сказал Гораций, – но с тех пор, как я имел удовольствие видеть вас в последний раз, мне попался такой, что лучшего я и не желаю.

– Я поистине радуюсь, слыша это, – ответил джинн, – ибо этим ты показываешь мне, что мне удалось оказать тебе первую услугу, которую ты потребовал.

Гораций с горестью принял такую весть – она задела его гордость; сначала он мог только с трудом прошептать:

– Вы... вы послали его ко мне?

– Я, и никто другой, – сказал джинн, сияя от удовольствия, – ибо в то время как я, незримый людьми, кружился в воздухе, решив заняться твоим делом прежде, чем искать Сулеймана (мир ему!), я случайно подслушал, как одно человеческое существо цветущей внешности громко сказало на мосту, что желает воздвигнуть для себя дворец, но не может найти зодчего. Тогда я, заметив тебя издали у открытого окна, перенес его туда в передал в твои руки.

– Но он знал мою фамилию... у него была в карманах моя карточка! – сказал Гораций.

– Я снабдил его ярлыком с обозначением твоего имени и

жилища, чтобы он не оказался несведущим.

– Ну, слушайте, г. Факраш, – сказал несчастный Гораций, – я знаю, вы действовали с добрым намерением, но... иногда больше не делайте ничего подобного! Если бы мои собратья по профессии как-нибудь узнали об этом, меня обвинили бы в нарушении профессиональной этики. Мне и в голову не приходило, что вы предоставите мне клиента таким путем, иначе я бы не допустил до этого.

– Это была ошибка, – сказал Факраш. – Но ничего! Я отменю все это и придумаю другие средства послужить тебе.

Гораций простонал. Отменить это! Как же можно все это расстроить без явного скандала?

– Нет, нет, – сказал он. – Ради Бога, оставьте все как есть, а то напортите еще более. Простите меня, дорогой г. Факраш, я боюсь, что кажусь неблагодарным, но я так был поражен. И в самом деле, я вам чрезвычайно обязан. Хотя способ, который вы употребили, был... был немного некорректен, вы все-таки оказали мне огромную услугу.

– Это ничего, – сказал джинн, – в сравнении с теми услугами, которые я надеюсь оказать такому великому благодетелю.

– Нет, право, вы не должны стараться сделать еще что-нибудь для меня, – настаивал Гораций, чувствуя необходимость раз и навсегда пресечь все дальнейшие попытки джинна к оказанию ему благодетельств. – Вы уже достаточно сделали. Ведь благодаря вам мне поручено строить дворец, вслед-

ствие чего я долгое время буду очень занят и счастлив.

– Значит, сыны человеческие очень любят тяжелый труд? – спросил изумленный Факраш. – У джиннов это совсем не так.

– Я люблю свое дело ради него самого, – сказал Гораций. – А кроме того, приведя его к концу, я получу много денег, что особенно важно для меня теперь.

– А почему, сын мой, ты так желаешь себе богатства?

– Потому что, – сказал Гораций, – кто недостаточно обеспечен в наше время, тому нельзя жениться.

Факраш улыбнулся со снисходительным состраданием.

– Как превосходно сказал один из древних: «Кто вознамерился жениться, подобен человеку, опускающему руку в мешок, где сидят много тысяч змей и один угорь. Однако же, если так решит рок, то он может вытащить угря». Ты благообразен и находишься в тех летах, когда естественно желать любви девицы. Итак, мужайся духом и гляди весело: возможно, что когда у меня будет больше свободного времени, я найду тебе подругу, которая порадует твое сердце.

– Пожалуйста, не беспокойтесь и не ищите для меня ничего подобного! – поспешно сказал Гораций, мысленно представляя себе какую-нибудь беспомощную и оскорбленную незнакомку, существо, кинутое в его жилище, как мешок с углем. – Уверяю вас, я предпочту найти себе жену обычным путем, что я и надеюсь вскоре сделать благодаря вашей доброте.

– Разве есть уже какая-нибудь дева, по которой томится твое сердце? Если так, не бойся назвать мне ее имя и жилище, и я достану ее для тебя.

Но Вентимор уже ознакомился с восточными методами джинна и усомнился в его такте и скромности по отношению к Сильвии.

– Нет, нет, конечно, нет. Я говорил вообще, – сказал он. – Это чрезвычайно любезно с вашей стороны, но я хочу дать вам понять, что я и так слишком награжден. Вы меня поставили на путь к славе и богатству. Если я их не добуду, то виноват буду сам. Во всяком случае, от вас мне больше ничего не нужно. Если вы думаете найти Сулеймана (мир ему!), то вы должны совсем удалиться на Восток, потому что, без сомнения, здесь его нет. Вы должны посвятить все свое время этому делу, быть как можно спокойнее и не терять мужества, какие бы до вас ни дошли вести. Но самое главное: не тревожьте себя мыслями обо мне или о моих делах.

– О ты, премудрый и красноречивый, – сказал Факраш, – твой совет превосходен. Итак, я удаляюсь. Но пусть я выпью кубок погибели, если не буду полон мыслями о твоём благодеянии.

Говоря так, он сложил ладони над головой, его ноги начали проваливаться сквозь ковер, и он исчез.

«Слава Богу, – думал Вентимор, – он понял наконец. Кажется, больше я его не увижу. Чувствую себя неблагодарным животным, потому что говорю так, но ничего не могу поде-

лать. Не могу выносить благодеяний какого-то джинна, который сидел в отвратительной медной бутылки со времен Соломона, вероятно, имевшего достаточные основания, чтобы закупорить его туда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.